

На следующий день, во время обеденного перерыва, Фан Цзычэнь отпросился у управляющего Яна и, прихватив кошелек, направился напрямик в книжную лавку.

Для подготовки к экзамену на туншэна обычно требовались книги для начального обучения: «Тысячесловие», «Сто фамилий», «Правила для учеников» и «Рифмы старика Ливэна». В городке была всего одна книжная лавка, зато довольно внушительная.

Покупателей в этот час почти не было. Служащий прилежно расставлял свитки на полках и, завидев вошедшего, на миг замер, а после поспешил навстречу, осведомляясь, что господину угодно.

Юноша заранее разузнал названия и теперь уверенно перечислил нужные тома. Приказчик подвел его к двухъярусному стеллажу в левой части зала.

— Молодой господин, всё, что вы ищете, есть вот здесь. Взгляните: верхние книги привезены напрямик из столицы. Оттиск четкий, бумага превосходная — такие тома и правнукам вашим послужат!

«На кой черт мне их вечно хранить? — подумал Фан Цзычэнь. — Я их в семейные реликвии записывать не собираюсь»

— И сколько же они стоят? — вслух спросил он.

— Совсем недорого, — приказчик лучезарно улыбнулся. — Если брать все шесть книг разом, выйдет двенадцать лянов серебра.

Фан Цзычэнь лишился дара речи.

«...»

«То ли у тебя аппетиты непомерные, то ли я нищий сверх всякой меры»

— У меня... всего чуть больше одного ляна с собой.

— А? — служащий мгновенно сориентировался. Его вежливость никуда не делась, он лишь споро убрал дорогие тома обратно и выудил несколько книг с нижней полки. — Тогда взгляните на эти. Это рукописные списки. Бумага, конечно, попроще, зато почерк разборчивый. Они куда доступнее.

— Насколько доступнее?

Собеседник усмехнулся:

— За ваш лян с небольшим вы как раз сможете купить две.

Вот она, истинная причина, почему выходцам из бедных семей так трудно пробиться в люди. Знание стоило баснословных денег.

Управляющий Ян, увидев, как работник бережно выкладывает на конторку два свежкупленных тома, от удивления даже брови вскинул. Вспомнив их вчерашний разговор, он спросил:

— И впрямь на туншэна собрался подаваться?

Парень взял «Тысячесловие», быстро пролистал несколько страниц и, убедившись, что текст ничем не отличается от того, что он учил прежде, ответил с самым серьезным видом:

— Именно так. Вот получу в конце месяца жалование, схожу в ямэнь, оформлю документы да подтвержу личность. Стану полноправным подданным нашей Великой Династии Ся. Нужно ведь усердно учиться, чтобы принести пользу родине!

— Доброе дело, — Ян сочувственно похлопал его по плечу. — Старайся. Как выбьешься в люди, не забывай старика-дядю.

Фан Цзычэнь по-дружески хлопнул себя в грудь:

— О чем речь, конечно не забуду!

— Учеба — дело затратное. — Управляющий знал юношу всего ничего, но такая решимость вызвала уважение. — Если нужда прижмет, ты не таись, дядюшке скажи.

Следующие полмесяца жизнь Фан Цзычэня превратилась в череду будней между домом и трактиром. За это время он затер обе книги почти до дыр. Не потому, что читал медленно — напротив, он изучил их вдоль и поперек за считанные дни. Просто до следующего жалования оставалось еще время, а на новые обязательные тома денег не было.

В один из дней, когда в трактире было затишье и заняты были всего два-три столика, Фан Цзычэнь от скуки привалился к конторке. Управляющий Ян, сидевший рядом, постучал костяшками пальцев по столу:

— Что, сегодня за чтение не берешься?

Молодой человек поднял голову, подпирая подбородок ладонью:

— Да я их уже закончил.

— Быть не может! Прямо всё прочитал? Обе?

— Ага.

Собеседник лишь головой покачал. Читать понемногу в свободные минуты и за полмесяца одолеть два непростых труда?

— Послушай, — наставительно произнес он. — Чтение — это не просто глазами по строчкам пробежать. Нужно понять смысл, заучить наизусть...

Фан Цзычэнь не удержался и закатил глаза.

«Я больше десяти лет грыз гранит науки, неужто таких азов не знаю?»

— Да я их не просто заучил — я их хоть задом наперед процитирую.

— Неужто? А давай-ка я тебя проверю.

Юноша небрежно пододвинул ему книгу:

— Валяй. Увидишь, что значит настоящий мастер учебы.

Ян скептически хмыкнул, наугад открыл страницу и зачитал строчку:

— «В учебном зале Тайбай водопад низвергается на три тысячи футов». Назови предыдущую.

Как известно, продолжать цитату всегда проще. А вот вспомнить, что шло до нее — задача куда более каверзная.

Фан Цзычэнь на мгновение задумался, а затем уверенно выдал:

— «Поднимем чаши, приглашая луну испить с нами, вернемся домой на конях, ступая по ковру из опавших цветов. Хуан Гай сумел одержать победу у Красных Скал, Чэнь Пин искусно

разрешил беду у горы Байдин».

Управляющий опешил. Он перевернул страницу и снова ткнул в случайную строчку:

— Назови предыдущую.

Парень, казалось, вошел в особый режим и отвечал, не задумываясь. Проверка затянулась — Ян зачитал еще десятка два фраз, и каждый раз Фан Цзычэнь без малейшей запинки выдавал нужные слова, а заодно вкратце пояснял смысл сказанного. Было очевидно: он не просто зубрил, он понимал каждое слово.

— Ну ты и даешь... — Ян закрыл книгу, глядя на него с нескрываемым восхищением. — Я бы такое и за месяц не запомнил.

— Обычное дело для нормальных людей, — философски заметил юноша.

— Тогда как же ты всё это запомнил?

Тот лишь пожал плечами с самым беспечным видом:

— Ну, я ведь гений.

Фан Цзычэнь не только обладал отменной памятью, но и писал на диво хорошо. Управляющий Ян, хоть и не был ученым мужем, толк в красивых вещах знал.

— Думаю, над почерком тебе и вовсе работать не нужно. Не знаю, как там пишут туншэны да сюцаи, но среди всех, кого я видел, ты — первый. — Он поднял большой палец вверх.

Фан Цзычэнь благосклонно кивнул:

— Дядюшка Ян, у вас отменный вкус.

— Ну и шельма ты, — рассмеялся мужчина. — Ни капли скромности!

В трактире кормили хорошо. Те деньги, что парень потратил на книги, он решил у Чжао-гэра назад не просить — совесть не позволяла. В кармане у него осталось всего шестьдесят с небольшим медных монет, на новую книгу всё равно бы не хватило, а деньги карман не тянут. Поэтому он то и дело покупал по дороге домой кусок свежего мяса для Чжао-гэра и Гуай-цзяя.

Утром — яйца, вечером — мясо. В деревне редко какая семья могла себе позволить такое пиршество каждый день. Чжао-гэр пытался вразумить его, просил экономить, уверял, что им с

сыном и яиц предостаточно, но каждый раз Фан Цзычэнь обрывал его на полуслове.

— Купил — значит, ешь, — отрезал он. Он уже раскусил натуру супруга: тот был мастером на словах соглашаться, а на деле делать по-своему.

Поскольку днем Фан Цзычэнь обедал в городе, Чжао-гэр варил себе похлебку из диких трав. Юноша в кухонных делах разбирался слабо, но дураком не был. Супруг твердил, что они с сыном дома едят отменно, но Фан Цзычэнь заметил: шесть цзиней свиного жира, купленные почти месяц назад, не уменьшились и на треть, да и рис почти не тратился. Пришлось хитростью выпытывать правду у Гуай-цзая. Оказалось, в обед они действительно перебивались одной травой.

Фан Цзычэнь отставил миску и уставился на него.

— Мы с Гуай-цзаем целый день без дела сидим, нам не к чему так роскошествовать, деньги нужно беречь... — Чжао-гэр начал было оправдываться, но под тяжелым взглядом мужа заговорил всё тише и тише.

В такие моменты уговоры не действовали. Фан Цзычэнь поднял левую ладонь и сухо произнес:

— Посмотри на нее и повтори еще раз.

Чжао-гэр сжал палочки, хлопая глазами от страха.

— Что, пороть тебя пора? Еще раз такое услышу — пеняй на себя, — строго добавил Фан Цзычэнь. — И я не шучу.

Гуай-цзай, увидев, что дело принимает серьезный оборот, даже бросил любимый кусок мяса. Он спрыгнул с табурета, подбежал к отцу и, вцепившись в его руку, жалобно запричитал:

— Отец, не бей папу! Папе будет больно-больно... Не надо бить папу!

— Но отец сейчас очень злится, что же делать? — спросил Фан Цзычэнь.

Мальш склонил голову набок, решая эту непосильную задачу. Казалось, от усердия у него сейчас дым из макушки пойдет, а личико сморщилось, как у старичка. Отец едва сдерживал смех, собираясь уже сказать, что просто шутит, но не успел он и рта раскрыть, как Гуай-цзай юркнул к нему между колен. Упершись ладошками в его бедра, мальчик вытянул губки и встал на цыпочки:

— Гуай-цзай поцелует! Поцелую — и ты перестанешь злиться.

Фан Цзычэнь со смехом наклонился, и малыш, обхватив его за шею, звонко чмокнул в обе щеки. Но поскольку он только что ел жирное мясо, губы у него были в масле. Фан Цзычэнь провел рукой по лицу, и его улыбка мгновенно сменилась гримасой ужаса.

— Ах ты, паршивец! — Он вскочил, делая вид, что хочет поймать сорванца.

Гуай-цзай с восторженным визгом принялся носиться вокруг стола.

— Спасайтесь! Большой монстр охотится на детей! Помогите-е-е! Бежим! (Бежим!)

Ужин окончательно превратился в веселую свалку. Глядя на эту шумную, полную жизни картину, о которой он раньше и мечтать не смел, Чжао-гэр невольно рассмеялся.

С каждым днем Гуай-цзай становился всё оживленнее. Чжао-гэру порой казалось, что Фан Цзычэнь ведет себя с сыном не как строгий родитель, а как старший брат. Ни один мужчина в деревне не стал бы вот так, на равных, возиться и дурачиться с ребенком.

<http://bllate.org/book/15357/1423768>